

рассказ
об одной встрече — АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

КОНЕНКОВ О ЕСЕНИНЕ

КОГДА я произношу имя скульптора Коненкова, перед глазами всегда встает образ его знаменитого «Автопортрета»: воплощенная в мраморе мудрость Мастера искусства.

Жизнь подарила Сергею Тимофеевичу Коненкову множество поистине незабываемых встреч: В. И. Ленин, Горький, академик Иван Павлов, Шалапин, Куприн, Есенин...

Девять лет назад, еще до поступления в Литературный институт, который я сейчас заканчиваю, я начал изучать творчество Сергея Есенина. Познание поэтического есенинского слова, желание глубже понять личность поэта и привело меня в столицу, в мастерскую знаменитого художника, друга Есенина, патриарха нашего искусства — Сергея Тимофеевича Коненкова. Первая встреча состоялась в августе 1968 года. Помню, что долго договаривался о дне и часе, да это и понятно: художнику в то время было уже 94 года... К счастью, удалось договориться. Я шел к Сергею Тимофеевичу и страшно волновался: что ж, мне было лишь 19...

Есенин и Коненков... Благодаря бескорыстному единению сердец многие скульптуры Коненкова были рождены под влиянием музыки Есенина. Они встретились в Москве в 1915 году на Пресне. 20-летний, мало кому известный поэт Сережа Есенин и 40-летний, прославившийся скульптор Сергей Коненков.

Есенин — он сам признавался позднее — пришел «послушать, как Коненков поет». Чтобы добиться этого, поэт сначала сам пел в мастерской скульптора свои рязанские побаски и канавушки, а потом Коненков со своим другом, крестьянским поэтом Сергеем Клычковым, пел смоленские песни. Сколько печальных, протяжных и веселых, удалых песен было спето друзьями вместе! Лишь старая гармонь, которую так любил Есенин, знает, пожалуй, про это.

...Дверь в мастерскую мне открыла жена скульптора — Маргарита Ивановна. Переступив порог, я сразу же попал в окружение знаменитых кресел-диванчиков, вырезанных из огромных пней. С опаской сел в огромное кресло-удав. Боже мой, как я волновался, ожидая Коненкова! И вот... Он вышел. Я вскочил и невероятно звенящим от волнения голосом, нет, не сказал, а как-то особо произнес: «Здравствуйте, Сергей Тимофеевич!».

Великий старец подошел ко мне, пожал руку (хорошо помню легкость его высокой ладони, поистине руки, «словно выточенные из светлого дерева») и произнес:

— Вы Казаков?
— Да.
— Вас интересует Есенин?
— Да!..

Сели в кресла и... проговорили три часа. Вероятно, я его очень удивил, в конце разговора он едва поднялся с кресла, но он так говорил о друге-поэте, что с моей стороны было бы непростительно прервать коненковское слово.

Ваятель рассказывал:
— Осенью 1918 года был получен ответственный заказ — мемориальная доска в память павших героев революции. Есенин пишет кантату, которая

будет исполнена в день открытия мемориальной доски.

В последние дни работы я буквально жил у Кремлевской стены. Не раз приходил сюда и Есенин. Мы вместе ждали торжественного часа. И вот все готово. Доску должен был открыть Владимир Ильич Ленин.

С утра 7 ноября 1918 года Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей. Я не успел опомниться, как увидел Владимира Ильича. Владимир Ильич поздоровался со мной, словно со старым знакомым. Началась короткая церемония открытия. Когда раскрылся занавес, заиграл оркестр и хор исполнил кантату. Помню, как величаво прозвучали строки, написанные Есениным:

*Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц...*

Текст «Кантаты» состоял из трех частей, первую часть написал М. П. Герасимов, вторую — С. А. Есенин, а третью — С. А. Клычков. Полный текст Есенина выглядел так:

*Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Двигает под стены Кремля.*

*Ныне в мире зачатая,
Зареве красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.*

*Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.*

А весной 1920 года я взялся за портрет Есенина. Сеансы продолжались с неделю. Потом Сережа заскучал и исчез. Есенинский бюст я переводил в дерево без натуры, корректируя эскиз по сильному впечатлению, жившему с тех пор, когда на пресненской выставке моих работ Есенин читал стихи. Произносятся стихи, поэт выразительно жестикулировал. Этот момент я и запечатлел.

Обычно Есенин надолго пропадал, появлялся неожиданно. Помню, как-то за полночь стук в дверь. На улице дождь вовсю. Маргарита Ивановна спрашивает: «Кто там?» «Это я, Есенин», — отвечает голос.

Дай, думаю, задам ему загадку. Я совершенно забыл, что человек под дождем стоит. «Скажи экспромт, тогда пушу».

Минуты не прошло, как из-за двери послышался громогласный в ночи баритон:

*Пусть хлябь развернулась!
Гром — пусть!
В душе звенит святая Русь,
И небом лающий Коненков
Сквозь звезды пролагает путь.*

Пришлось открыть дверь. Вечер Есенина в моем доме на Пресне закончился на рассвете. Ночи, конечно, не было. Бывал он у меня и с Айседорой Дункан. Меня интересовало искусство Айседоры, и я сделал сюиту «Танцующая Айседора Дункан».

Зашел разговор о больших поэтических вещах Есенина. Сергей Тимофеевич особо выделил «Сорокоуст» и «Пугачева», заметив, что и сам поэт очень дорожил этими произведениями.

— Невозможно было спо-

койно слышать тяжелые, потрясающие душу слова уральского каторжника Хлопуши, когда их читал нам Сережа Есенин, — добавил Сергей Тимофеевич и на память прочел:

*Сумасшедшая,
бешенная кровавая муть!
Что ты? Смерть?
Иль исцеленье калекам?*

*Оренбургская заря
красношерстной
верблюдицей*

*Рассветное роняла
мне в рот молоко.*

*И холодное корявое вымя
сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб,
к источенным векам...*

...В августе 1921 года поэт закончил работу над своей трагедией в стихах, как он называл поэму «Пугачев». Вскоре Есенин читал главы из «Пугачева» Сергею Коненкову, Анатолию Мариенгофу, Георгию Якулову и Всеволоду Мейерхольду. Поэма произвела большое впечатление на первых слушателей. Мейерхольд решил поставить «Пугачева» на сцене своего театра РСФСР 1. Предполагалось, что художественное оформление спектакля сделает Сергей Коненков.

— Последняя встреча была осенью 1923 года. Мы ходили на журавлиную охоту. А когда возвращались домой, Сережа вдруг погрузился и прочел:

*Не жалко, не зову, не плачу,
Все пройдет,
как с белых яблонь дым...*

Тяжелая тоска слышалась в его голосе. Я спросил Есенина: «Что ты? Не рано ли?» А он засмеялся в ответ: «Ничего, — говорит, — не рано». И вскоре опять пропал из виду. На этот раз, оказалось, навсегда... Мне запомнилась его человеческая красота, стихи его, еще тогда, при жизни поэта, казались явлением под стать Шалапину.

...Прощаясь со скульптором, я предложил ему послушать запись стихов в исполнении Есенина. Когда затихли звуки есенинского голоса, Коненков тихо произнес:

— Да, читал Сережа так, что душа замирала...

В память о первой встрече с Сергеем Тимофеевичем у меня осталась книга художника «Земля и люди» с дарственной надписью. Позже он писал мне в Челябинск, а в год 75-летия С. Есенина подарил свою статью о поэте.

Минуло с той первой встречи более десяти лет. Многие выветрились из памяти, уступая место новым впечатлениям, но по сей день я явственно помню и ощущаю голос Коненкова, рассказывающего историческую быль своего времени, и страстный, мятежный голос поэта, ворвавшийся в мастерскую художника.

И показалось мне тогда, да и сейчас это чувство сохранилось, что вновь, пусть на мгновение, сомкнулись звенья давней, неожиданно оборвавшейся дружбы двух великих российских мастеров искусства.

На снимке: С. КОНЕНКОВ и А. КАЗАКОВ.

Публикуется впервые